

Научная статья

УДК 81'23, 81'27, 81'33

DOI 10.17223/18137083/95/15

Онтологемы русской языковой личности в движении ассоциативных доминант

Ирина Владимировна Шапошникова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Аннотация

Рассматриваются ассоциативные доминанты, которые называют людей и составляют узлы субъективной онтологии русской языковой личности. Изучается динамика онтологемы «Я – семья – дети» и дейктических единиц, маркирующих ролевые функции в семье. Анализ лексонов проводится на материале обратных ассоциативных словарей: РАС (1988–1997) и интегрированного в единый ресурс СИБАС 1 + 2 (2008–2022). Данные о рейтинге доминант на основе количества входящих связей соотносятся с результатами функциональных проб с ассоциативных полей лексонов (в прямых словарях), которые активируют значимые для рассматриваемых онтологем контексты и позволяют выносить суждения об интенсивности этих процессов. В статье показаны векторы движения ассоциативных доминант в актуальной диахронии и дана интерпретация динамических процессов в контексте роли акторов социогенеза в сопоставлении с социологическими данными, полученными другими исследователями.

Ключевые слова

русская языковая личность, онтологемы, персональный дейксис, термины родства, внутренний лексикон, ассоциативные доминанты

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0003: «Русский язык и фольклор в Сибири в исторической перспективе и синхронии»)

Для цитирования

Шапошникова И. В. Онтологемы русской языковой личности в движении ассоциативных доминант // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 223–238. DOI 10.17223/18137083/95/15

© Шапошникова И. В., 2026

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 223–238
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 223–238

Ontologemes of the Russian Language personality in the movement of associative dominants

Irina V. Shaposhnikova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

i.shaposhnickowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3519-1209>

Abstract

This paper examines a set of associative units that name people and function as ontological, system-forming dominants of the Russian linguistic personality. The study focuses on the diachronic shifts within the “I (me)–family–children” ontologeme, as well as the deictic units and kinship terms that mark role functions within the family. The comparative analysis is based on data from two major reverse associative dictionaries: the Russian Associative Dictionary (RAS, 1988–1997) and the Siberian Associative Dictionary (SIBAS 1+2, 2008–2022). By ranking associative dominants according to their number of incoming links and conducting functional tests on associative fields, the author identifies the intensity and direction of shifts in the mental lexicon. The material, collected through long-term associative experiments among students, reflects the dynamics of socio-communicative attitudes among Russian youth, from the Perestroika era to the early 2020s. The author employs chronoglossation to visualize the increasing or decreasing semantic weight of these dominants. These linguistic vectors are interpreted within the broader context of sociogenesis and compared with contemporary sociological data. Ultimately, the research highlights how the linguistic personality adapts its core ontological nodes in response to the profound sociocultural transformations of the last three decades, providing a map of the evolving Russian world-image.

Keywords

Russian language personality, ontologemes, personal deixis, kinship terms, mental lexicon, associative dominants

Acknowledgments

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0003: “Russian Language and Folklore in Siberia: Historical Aspects and Synchrony”)

For citation

Shaposhnikova I. V. Ontologemy russkoy yazykovoy lichnosti v dvizhenii assotsiativnykh dominant [Ontologemes of the Russian Language personality in the movement of associative dominants]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 2, pp. 223–238. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/15

Введение

В статье рассматриваются динамические процессы в структуре ядра внутреннего лексикона русской языковой личности (РЯЛ) в той его части, которая несет основную функциональную нагрузку в формировании субъективной онтологии, каркаса Я-концепции личности. Речь идет об онтологеме «Я – семья – дети» и ее развертывании в маркерах семейных ролей (терминах родства).

Материалом для анализа послужили ассоциативно-вербальные данные из двух репрезентативных для макроанализа АВС и сопоставимых по основным параметрам

рам¹ источников: РАС (1988–1997) и интегрированной в единую базу после завершения двух этапов массового ассоциативного эксперимента в азиатской части РФ (Сибирь и Дальний Восток) СИБАС 1 + 2 (2008–2022). Анализ проводился на всем массиве ассоциатов, для чего была проведена сплошная выборка из обратных словарей всех ассоциативных доминант с количеством входящих связей в диапазоне от 1 000 и выше для верхнего уровня и 200 для нижнего (четвертого). Выборка проводилась с учетом всех попавших в этот диапазон словоформ, а не только лемматизированных. Все отобранные для анализа единицы были распределены для удобства их рассмотрения по четырем уровням (первый – свыше 1 000 входящих связей от стимулов, вызвавших такую реакцию; второй – от 999 до 500; третий – от 499 до 300; четвертый – от 299 до 200 стимулов). Затем порог входящих связей был понижен до 100 и добавлен самый насыщенный по количеству единиц – пятый уровень, что позволило расширить возможность отслеживания динамических процессов на большую глубину и локализовать их в цифровом выражении. Пятый уровень можно трактовать как промежуточный между обладающими самой высокой субъективной частотностью доминантами и периферией. Каждый нижележащий ярус в этой иерархии вмещает в себя больше единиц, чем смежный вышележащий, что наглядно иллюстрирует рост плотности связей лексонов по мере повышения их субъективной значимости, связанной с частотой активации в разнообразных «контекстах» интенциональных смыслов, задаваемых стимулами. В данной статье анализируются только те доминанты, которые называют людей и их социальные роли, включая семейные (см. табл. 1 ниже). Динамические процессы рассматривались в их временном аспекте, в актуальной диахронии. Региональные параметры не рассматривались.

Движение ассоциативных доминант как отражение актуальной динамики в ядре внутреннего лексикона

Анализируемые единицы не случайно попали в состав ядерных. Их значимость для системогенеза личности обусловлена рядом факторов, включая биологический, значимый для всех живых организмов. Онтологема продолжения рода, очевидно, занимает одно из центральных мест в жизни человека, а социальная природа человека, длительный период постнатального созревания накладывают особые требования на акторов социализации, среди которых родители в норме наиболее значимы. Особая пристрастность сознания к этим онтологемам может существенно влиять на структуру и содержание Я-концепции, характер проецирования личностью себя в будущее, планирование и осуществление наиболее значимых деятельностей в разные периоды жизни. Не только текущие условия внешней среды, но и макросистемные – историогенез, социогенез, культурогенез языковой личности могут менять характер отношений в семейной сфере, усиливать или ослаблять семантический вес соответствующих лексонов и маркирующих их вербальных единиц, влияя как на их лингвистические, так и на психолингвистические значения. Нас интересуют вторые. Рассматриваемые единицы с младенчества предъявляются ребенку в инпуте, поэтому их психолингвистические значения следует изучать и сквозь призму онтогенеза. Стоит упомянуть и факторы, которые связаны с изменением роли и состава акторов социогенеза,

¹ Об этом подробнее см. <http://adictru.nsu.ru> (дата обращения 27.03.2026).

представленных в виртуальной техногенной среде через СМИ и интернет-коммуникацию, с идеологическими и этнополитическими концепциями, которые выдвигаются в обществе в определенные периоды развития (например, формирующие демографическую политику, предписывающие определенные сценарии семейных отношений и ролей)². Все эти факторы находят отражение в социокоммуникативной среде, где живет язык, и поэтому могут проявить себя в функционально-смысловой организации внутреннего лексикона, субстрата языкового сознания.

Е. Н. Малик и М. В. Шедий, интерпретируя данные проведенного ВЦИОМ в 2024 г. социологического опроса «Семейные ценности: восприятие россиян»³, приходят к выводу, что «семья является одной из пяти ключевых ценностей граждан России» [Малик, Шедий, 2025, с. 89].

Авторы отмечают, что «84 % опрошенных россиян заявили о важности сохранения традиционных семейных ценностей, культуры материнства, отцовства и поддержки многодетности... Когда вопросы “спускаются” на личный уровень и спрашивается о планах людей, об их целях, о том, как они видят себя, то две ключевые ценности, о которых люди всегда говорят приоритетно, – это “здоровье” и “создать счастливую семью и воспитать детей”. Более 50 % выбирают и ту, и другую ценность в качестве своей цели в жизни... Таким образом, в российском обществе сформировалось устойчивое представление о многодетной семье как о желательном явлении. Однако, когда речь заходит о личных планах, лишь 26 % респондентов заявляют о своем намерении иметь троих и более детей» [Там же]. Посмотрим, как конвертируются семейные установки в ядерную часть внутреннего лексикона, где представлены ключевые для образа мира испытуемых смысловые узлы.

Ассоциативные доминанты составляют макроуровень анализа АВС в экспериментально полученном материале. Из всего массива ядерных единиц мы выбрали местоимение **Я** (рис. 1)⁴ и существительные, называющие людей и их социальные роли. В табл. 1 показаны все доминантные единицы этой семантической группы, полужирным начертанием выделены те, которые являются предметом нашего рассмотрения в данной статье.

² Для России это особенно важно в связи с усилиями правительства по поддержанию института семьи, стимулированию рождаемости и оказанию помощи многодетным семьям, направленными на разработку и реализацию национального проекта «Семья», который продолжает нацпроект «Демография». Главная задача новой демографической стратегии России до 2036 г. – повышение уровня рождаемости и продолжительности жизни, укрепление статуса многодетной семьи [Малик, Шедий, 2025, с. 87].

³ Всероссийский репрезентативный опрос ВЦИОМ «Семейные ценности: восприятие россиян». Объем выборки: 1 600 респондентов. Взрослое население РФ (18+) по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Опрос проводился в октябре 2024 г. См.: Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheski-obzor/semja-v-sisteme-cennostei-rossijan> (дата обращения 18.01.2025).

⁴ В рисунках курсивом выделены показатели с вектором в сторону уменьшения количества входящих связей. Полужирным начертанием показаны значения растущих наполняемостью связей лексонов. В СИБАС 1 + 2 АП **Я** сгенерированы в двух вариантах, так как при составлении списка стимулов мы предполагали, что эксперимент может выявить весомую разницу между **я** и **Я**. Наши предположения не подтвердились. На рис. 1 приводятся объединенные данные обратных словарей, поскольку особых различий в организации структур двух АП **Я** мы в итоге не увидели.

На рис. 1 показаны хроногlossы единиц, образующих ось онтологемы, вокруг которой строится пространство конкретных родовых связей. Г. Р. Доброва убедительно доказывает, что к дейктическим элементам персонального дейксиса относятся не только такие собственно дейктические единицы, как личные местоимения

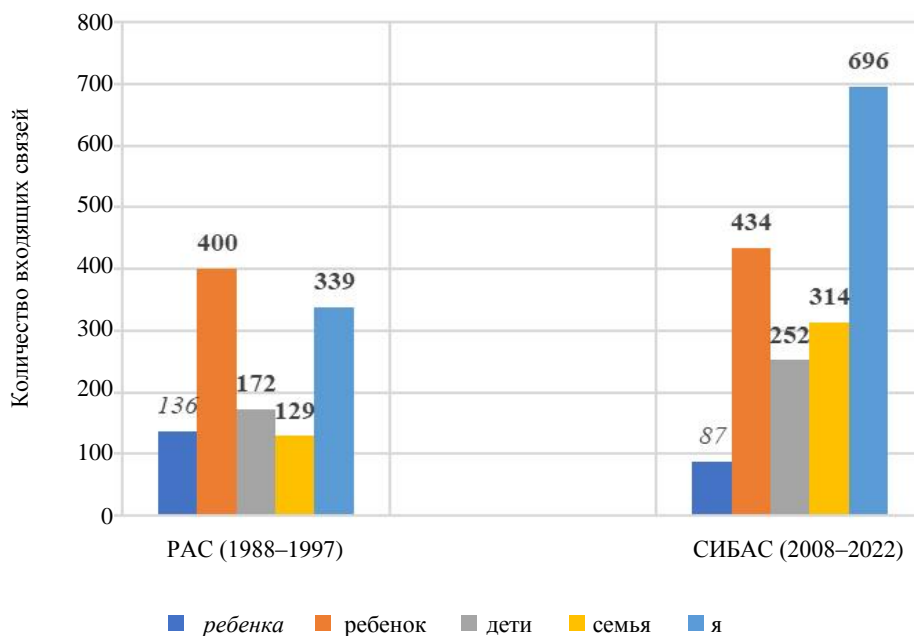

Рис. 1. Хроногlossы маркеров онтологем «Я – семья – дети»
 Fig. 1. Chronoglosses of the ontogeme markers “I (me) – family – children”

(в нашем случае **Я**), но и термины родства [Доброва, 2003; 2014]. Последние она рассматривает как «парапроминальную» лексику, а персональный дейксис делит на речевой, который усваивается в раннем возрасте (1–3 года), и социальный, который включает в себя эволюцию терминов родства в детской речи и усваивается с индивидуальной вариативностью с 3 до 8 лет. С точки зрения семантической структуры «главную ступень в семной иерархии» и у местоимений, и у терминов родства автор видит в семе обозначения лица. А «вторую ступень» занимает релятивная сема, поэтому термины родства, как и местоимения, не только называют, а еще и указывают на отношения, они релятивны и ситуативны, называют лицо «по отношению к...». Роли, которые называются терминами родства, изначально сменяемы, зависимы от точки отсчета [Доброва, 2003, с. 117]. Однако термины родства могут совмещать релятивную сему с нерелятивными, что, как нам думается, может усложнять их смысловую структуру с психологической точки зрения, а значит влиять на их субъективную частотность активации в сети.

Г. Р. Доброва показывает, что как местоимения, так и термины родства эгоцентричны, релятивны и усваиваются в онтогенезе сходным образом с опорой на перцептивные компоненты. На начальном этапе имитативно, без осознания

Таблица 1

Сравнительный анализ ассоциативных доминант,
называющих людей и их социальные роли,
по данным РАС (1988–1997) и СИБАС 1 + 2 (2008–2022)

Table 1

Comparative analysis of associative dominants naming individuals
and their family roles according to RAS (1988–1997) vs. SIBAS (2008–2022)

РАС	СИБАС 1 + 2
Первый уровень (свыше 1 000 входящих связей)	
↑Человек 1 355	Человек 1 480
Второй уровень (от 999 до 500)	
↓Дурак 552; ↑друг 548	Друг 655
Третий уровень (от 499 до 300)	
↑Человека 443; ↑мужчина 424; ↑ребёнок 400; ↑парень 354; ↓женщина 322	Люди 492; мужчина 480; человека 463; парень 451; ребёнок 434; девушка 414; семья 314
Четвертый уровень (от 299 до 200)	
↓Мальчик 299; ↑девушка 297; ↓мужик 293; ↓муж 265; ↓друга 254; ↑люди 225; ↓товарищ 215; ↑людей 214; ↓идиот 210; ↑враг 208; ↑студент 207; ↓учитель 207	Мама 298; людей 281; враг 275; дурак 274; женщина 262; мальчик 259; сту- дент 252; дети 252; друзья 236; мужик 226; молодец 211; народ 208
Пятый уровень (от 199 до 100)	
↑Мама 192; ↑дети 172; ↑народ 167; ↓мать 159; ↓старик 159; ↓солдат 149; ↑брат 148; врач 145; ↓начальник 142; дядя 141; ↑отец 139; ↑сосед 137; ребен- ка 136; <i>гид</i> 133; ↓жена 133; ↑молодец 132; <i>юноша</i> 132; ↑герой 131; ↑семья 129; сын 128; ↑ученик 126; <i>друзей</i> 123; ↑урод 123; ↑дед 118; <i>гость</i> 115; ↑друзья 109; <i>ученый</i> 109; ↑бабушка 108; <i>девоч-</i> <i>ка</i> 106; ↑преподаватель 105; <i>сволочь</i> 105; ↑подруга 104; ↑толпа 103; <i>Вася</i> 100; <i>Ленин</i> 100; <i>мальш</i> 100 <i>Курсивом</i> помечены <i>единицы</i> , со временем выпавшие (ср. с СИБАС) на периферию. Стрелки показывают векторы флуктуаций (в сторону снижения или увеличения вхо- дящих связей).	Муж 192; <i>вор</i> 181; учитель 181; брат 180; <i>папа</i> 172; отец 169; <i>личность</i> 167; ученик 161; сосед 159; врач 148; герой 146; бабушка 146; <i>друга</i> 144; идиот 143; преподаватель 140; солдат 137; урод 132; родители 131; начальник 129; <i>подруга</i> 129; <i>товарищ</i> 129; <i>дел</i> 125; <i>президент</i> 124; <i>работник</i> 119; мать 119; <i>преступник</i> 117; <i>лидер</i> 117; толпа 116; <i>Путин</i> 112; <i>лох</i> 110; <i>царь</i> 108; старик 103; жена 102; <i>девушки</i> 100; <i>воин</i> 100 <i>Курсивом</i> помечены <i>единицы</i> , поднявшиеся в XXI в. до пятого уровня ядра (и выше) из периферии (ср. с РАС).

Примечание: количество стимулов, активировавших перечисленные единицы, приводится в числовом выражении после каждого слова.

ребенком их семантики. «Специфика их онтогенеза заключается в том, что, с одной стороны, они появляются в речи детей очень рано, составляя весьма заметную часть самого начального детского лексикона, но, с другой стороны, как показывают данные детской речи, осознаются детьми во всей полноте их семантики

весьма поздно – к школьному возрасту» [Доброва, 2003, с. 119]. При этом их освоение проходит через «эгоцентрический» этап, когда ребенок начинает уже отсчитывать родство, но только «от себя», причем вверх от себя, будучи пока не способным встать на чужую, не детоцентричную точку отсчета. Поэтому слово **мама** долго может восприниматься аналогично личному имени матери, «жесткому десигнатору». «Мама – “личное имя” матери ребенка (как Катя – личное имя его сестры)» [Там же 119].

Т. В. Ахутина на материалах афазий показала, что существует связь семантической сложности, времени приобретения слов в онтогенезе и их частотности, при этом семантическая сложность слова с психолингвистической точки зрения связана с тем, что такое слово требует больше времени на его извлечение из памяти, понимание и оперирование им. Т. В. Ахутина со ссылкой на Л. С. Выготского пишет, что «языковая система значений формируется у ребенка тогда, когда его мышление еще до-логическое комплексное... Ребенок усваивает в первую очередь слова, характеризующиеся высокой наглядностью (образностью). Первоначальные комплексы образного значения наиболее элементарны с точки зрения психолингвистической семантической сложности. По отношению к ним маркируются все вновь усваиваемые ребенком значения» [Ахутина, 2014, с. 187]. «Первые комплексы образ-значение образуют центры организующихся вокруг них полей. Центральное положение определенного слова в семантическом поле обеспечивает простоту его извлечения и тем самым частоту его использования. Таким образом поддерживается высокая частотность рано приобретенных слов, как правило, высоко частотных и в речи окружающих и потому ранее усвоенных» [Там же]. Автор приходит к выводу о том, что чем позднее усваивается слово относительно других слов этого семантического поля, и чем более, в силу этого, сложно его значение, тем меньше его частотность [Там же, с. 187–188]. В самом деле, сравним значения слов *папа*, *мама*, *бабушка*, с одной стороны, и *деверь*, *тесть*, *шурин* и т. п., с другой стороны, которые могут трудно поддаваться осмыслению взрослого человека.

Графики на рис. 1 показывают существенный рост статуса единицы **семья** (с последнего уровня на третий). Заметно повысилась значимость единицы **дети** (с пятого уровня на четвертый, форма ед. ч. **ребенок** также повысила свой вес, но в пределах одного и того же, третьего, яруса. А форма *ребенка* снизила свой вес настолько, что выпала даже из пятого уровня. Вместе с тем суммарный показатель *ребенок + ребенка* в РАС равен 536, в СИБАС – 521, что приближает значимость этой единицы ко второму уровню в обоих источниках. Характерное для словоформы *ребенка* снижение на этом фоне вряд ли можно рассматривать как значимое. Однако оно находится в русле общей тенденции, которая нуждается в специальном рассмотрении вне рамок данной статьи и заключается в том, что практически во всех подгруппах ассоциативных доминант (разных частей речи), увеличивается лемматизация единиц в СИБАС за счет утраты ранее доминантных аффиксальных (с флексиями) словоформ, по сравнению с РАС. Этот феномен может быть связан с целым рядом факторов. Среди них, возможно, снижение готовности значительной части испытуемых к воспроизведению полного речевого цикла, изменение характера предцифрования в практике развертывания речевых актов, что отмечается рядом ученых в качестве симптома нарастающей функциональной неграмотности [Пищальникова, Степыкин, 2025]. Снижение согласованной синтагматики в ассоциативных рядах, как было показано ранее в нейролингвистических исследованиях, отмечается при афазиях на фоне нормы [Ахутина,

2014, с. 85]. Вместе с тем здесь могут быть рассмотрены нуждающиеся в дополнительной экспликации разными методами типологически релевантные в структуре языка тенденции к изменению морфосинтаксических тактик оформления высказывания. Определенную роль играют и характер связи со стимулами, и сами стимулы, вызвавшие реакцию словом *ребенка*. В РАС все стимулы, кроме одного (135), и в СИБАС (87) образуют готовые синтагмы, формально и по смыслу провоцируют испытуемого на реагирование словоформой в родительном падеже, что снимает избыточность смысловой единицы лексикона при вхождении в синтагму.

СИБАС: рождение 28; рисунок 21; плач; развитие 18; назвать 17; одеть 10; учить 9; наказать; одевать 8 и др. РАС: рисунок 42; плач 33; качать 17; обуть 16; одевать 14; раздеть 12; лепет 11 и пр.

Резкий рост субъективной частотности отмечается у **Я**. Сложность личностных смыслов, стоящих за **Я**, побуждает исследователей помещать его значение в разряд «макроконцептов» (см., например, [Сапогова, 2019]). Высокий рейтинг этой единицы в обоих источниках обусловлен ее осевой значимостью для макроуровня *субъективной онтологии личности*, ее **Я**-концепции. Выделяют **Я** феноменологическое, биологическое, материальное, интерактивное, функциональное, языковое, идеологическое, духовное, интеллектуальное, деятельностьное и т. д. [Красных, 2003, с. 4; Сапогова, 2019, с. 47], оценки личностью самой себя. Все это делает **Я** качественно отличающимся от других концептов, поскольку он «наполнен более множественным и дифференцированным содержанием» [Сапогова, 2019, с. 47]. Психологи допускают расслоение смыслового поля «**Я**» на своего рода «макротезаурусы» «**Я** в прошлом», «**Я** в настоящем», «**Я** в будущем» [Там же, с. 48]. Рассматривая движение этого лексона во времени на экспериментальных материалах, резкое повышение его статуса во внутреннем лексиконе РЯЛ, психолингвисты и психологи интерпретируют этот феномен как закономерную реакцию на социально-экономические условия у современного социального субъекта, когда заданная в эпоху Перестройки на государственно-управленческом уровне ориентация на потребительскую доминанту, деструктивно усиливалась гедонистическими практиками СМИ вкупе с идеологическим западным воздействием на сознание людей. Это привело к изменению регуляторов их социального поведения, появлению новых форм сознательной деятельности и структуры познавательных процессов, в итоге – к росту индивидуализма, эгоцентризма, укреплению преимущественно индивидуально-личностной ценностной направленности, с фиксацией установок на приоритетность благополучия исключительно в ближайшем семейном круге, стремлении к собственному, **Я**-центричному индивидуальному благополучию и безопасности (подробный анализ комплекса социально значимых факторов см. в [Леонтьев, 1981; Бубнова, 2021; 2025]). Анализ содержания феноменологического **Я** на материалах РАС и больших региональных ассоциативно-вербальных баз данных показывает качественное изменение структуры эго, ослабление составляющих духовного слоя сознания в целом⁵: «Уходит из духовного слоя сознания то, что М. Бубер считал основополагающим фактором человеческого существования – отношение “человек с человеком”, с реальным, а не виртуальным. С точки зрения психолингвистической типологии ассоциативная пара “Я – Ты” – это парадигматическая структура, как раз и показывающая

⁵ Так, в РАС приоритетно активизируется классический, по В. П. Зинченко, тип связи: Я (субъект) – Ты (объект), а в остальных словарях Я (субъект) – Человек как личность (объект) [Уфимцева, 2025, с. 8].

ориентацию на другого, направленную во вне, а “Я – человек” – это структура синтагматическая, эго замкнуто на себе и себя только осознает и оценивает» [Уфимцева, 2025, с. 16].

С учетом множественности наполнения и дифференцированности **Я** психологический смысл *самого продвижения Я* в рейтинге ассоциативных доминант следует искать не только в оппозиции индивидуализма коллективному сознанию. Он сформировался и стал результатом внутренних динамических *процессов переживания* РЯЛ новой реальности на фоне радикального изменения всех векторов, организующих социокоммуникативную среду в конце прошлого и начале XXI в., распада социальных институций и конфликтогенной смыслоутратности. В этих условиях для личности неизбежна дифференциация содержания своей концепции жизни на всех ее возрастных этапах, поиск новых опор интеграции личностных ресурсов для реорганизации жизнедеятельности. Отсюда и высокий уровень готовности оперировать лексоном **Я**.

Рассмотрим ситуацию с наименованиями родительских ролей (рис. 2).

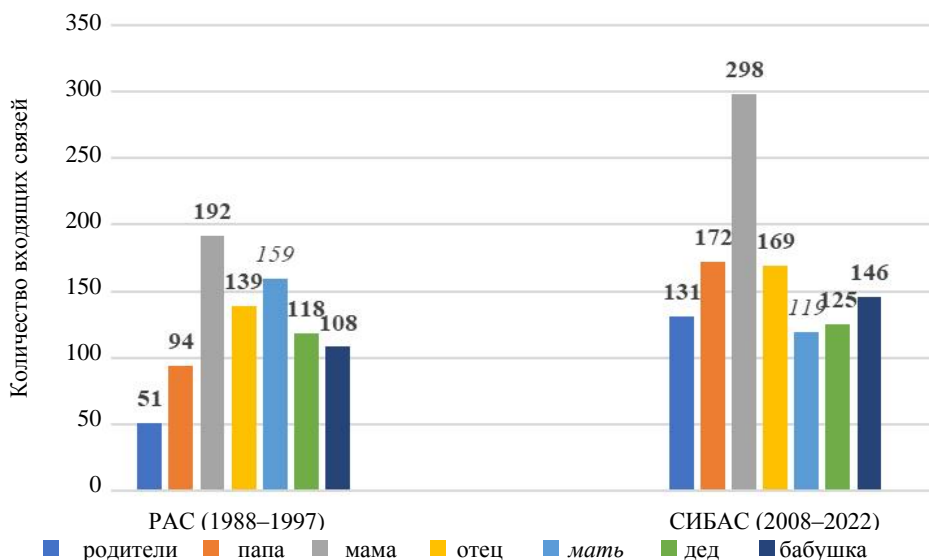

Рис. 2. Хроногlossen маркеров семейных ролей (родители)
Fig. 2. Chronoglosses of family role markers (parents)

Общий термин **родители** и номинант мужской роли **папа** поднялись с периферии на пятый доминантный уровень. Маркер женской роли **мама** переместился с максимально высоких позиций внутри пятого уровня на максимально высокие внутри четвертого (на грани с третьим). Обладающие более сложными психолингвистическими значениями термины **отец** и **мать** претерпели изменения внутри пятого уровня. При этом **мать** несколько снизил свою насыщенность входящими связями, а **отец**, наоборот, повысил. Суммарные показатели для «**папа + отец**» – 233 (4-й уровень), для «**мама + мать**» – 351 (3-й уровень) в РАС и «**папа + отец**» – 341 (3-й уровень); «**мама + мать**» – 417 (3-й уровень) в СИБАС. Таким образом, несмотря на нестабильность входящих связей у формы **мать**, в целом имеет место существенное продвижение родительских ролей в разряд

доминант и далее вверх по уровням внутри ядерной структуры лексикона. Сравнительный анализ смыслового наполнения АП **мама** и **папа** в обратных словарях показывает их сходство в плане интенций положительных эмоций, эмотивности, характерной для рано освоенных детьми маркеров образов-значений, выросших из детских аффективных комплексов, которые оставляют след в структуре психолингвистических значений слов у взрослого человека. Эмоциональная близость личностных смыслов, присутствующих в свернутом виде в этих единицах, уникальность связанных с ними родовых отношений делают эти значения более элементарными, семантически менее сложными для приоритетного извлечения из памяти. Они также *приоритетно активируют друг друга*. Ср.:

РАС: **Мама** ← папа 109; родители 22; добрая 16; семья 14; дорогая, мать 12; до свидания 11; мама, матушка 9; моя 8; дочка 7 и пр. **Папа** ← мама 77; отец 17; добрый 10; заботливый 8; дорогой, родной 5; наш, папа 4 и пр. СИБАС: **Мама** ← папа 119; семья 23; дорогая; родители 20; родная 19; мать 18; доброта 17; любимая 16; матушка 13; добрая; забота 12; моя 11; лучшая 9 и пр. **Папа** ← мама 75; отец 41; будущий 16; батя 15; кормилец 11; заботливый 9; авторитет 7; богатый; строгий 6 и пр.

Сама звуковая оболочка слов **папа** и **мама** приближена к возможностям восприятия в младенчестве. Структура значений **отец** и **мать** более сложна. Так, например, **мать** соотносится не только с семейной, биологической ролью матери, но и с *родиной, землей*, более удаленными от понимания детей *статусными ролями* (мать-одиночка, многодетная мать), которые несут в себе *эмоциональную отстраненность* и фигурируют в системе государственного документооборота. Слово **мать** также используется в структуре бранных слов. Все эти периферийные для релятивного значения дейктической единицы смыслы усложняют ее семантическую структуру, что находит отражение и в ядерных частях соответствующих АП. Например:

РАС: **мать** ← отец 107; природа 69; родина 65; многодетная 38; женщина 36; одиночка 23 и пр. СИБАС: **Мать** ← родина 138; отец 96; женщина 55; дочь 36; природа 33; Россия 15; дитя; сын 13 и пр.

Мать и **отец** также активируют друг друга в памяти испытуемого. Однако приведенные выше начальные фрагменты АП **мать** свидетельствуют о некоторой перестройке в порядке активации смыслов в XXI в. В СИБАС со значимым отрывом на первый план выходит ассоциат *родина*. Возможно, здесь произошел семантический сдвиг в психолингвистической структуре значения, который и стал причиной снижения веса лексона с его переходом в социально более широкий контекст, чем собственно близкие отношения внутри семейного круга. Определенную роль могла сыграть и виртуальная реальность: в течение нескольких лет в Интернете размещались многочисленные мемы и вульгарные искажения образа-символа родины-матери в рекламной и игровой незаконной, но широко распространяемой продукции. Ср.:

РАС: **Отец** ← мать 65; сын 27; папа 17; заботливый 16; родной 12; батюшка, вдовый 11; духовный 10; святой, строгий 9; семейства 8; добрый, отчество 7; будущий 6; Бог. Старик 5 и пр. СИБАС: **Отец** ← крестный 105; мать 63; батя 57; кормилец 50; папа 49; сын 48; любящий 31; заботливый 26; святой 24; отчество 23; будущий 22; Бог; жестокий 4 и пр.

Роль **отца** отражена в русской традиции именованья по отчеству, она связана с религиозной сферой деятельности, с осмыслением Бога, творческого начала человека и живой природы. Такое усложнение смысловой структуры может влиять

на взаимную активацию **отец** ↔ **мать**. Примечательно, что и термин **отец** показал значимую перестройку акцентуаций в АП. В СИБАС нашло отражение виртуальное поле сознания испытуемых. Самый частотный ассоциат *крестный отец* представляет собой название криминальной саги (1972) о нью-йоркской мафиозной семье Корлеоне, которая имела второе (1974) и третье (1990) продолжение. Изменение в семантической структуре психологических значений этих доминант потребует сбора дополнительных данных, что не входит в задачи данной статьи.

На рис. 3 представлены хроногlossы имен супружеских и детских ролей, показавшие движение сквозь разные уровни ядра лексикона. Здесь наблюдаем системное превышение значимости мужских ролей над женскими. Женские роли **дочь** и **сестра** (кроме **жена**), не были вхожи в ядро лексикона в РАС, но в СИБАС все они еще значительно утратили свои исходные позиции. Приводим их в графике на рис. 3 для сравнения с мужскими ролями, которые остались на нижнем, пятом, ярусе ядра, но также снизили свой вес, за исключением термина **брат**, он показывает рост в пределах 5-го уровня. Можно предположить, что его рост связан с активацией как основного релятивного, так и дополнительных значений (медбрат, друг, солдатик и пр.). Таким образом, при возрастании значимости *родительских* ролей, роли *супружеские* показывают векторы снижения. **Муж** и **жена** локализируются в контексте «Я – будущий» и закономерно активируют друг друга.

РАС: **Муж** – будущий 113; жена 81; экономный 49; идеальный 40; вдовый 29; заботливый 23; хозяйственный, хороший 19; рогатый, спесивый 18 и пр. СИБАС: **Муж** ← жена 104; будущий 62; вдовый 34; любящий 33; супруг 32; бывший 27; дорогой 21; заботливый; неверный 16; супруга 13 и пр. РАС: **Жена** ← муж 106; половина 12; трудолюбивая 11; экономная 10; стерва 9; дорогая 7; женщина, моя, теща 6; изменила, скалка 5 и пр. СИБАС: **Жена** ← муж 142; верная 58; супруга 44; супруг 17; любимая 14; дорогая 12; хозяйка 11; стерва 9 и пр.

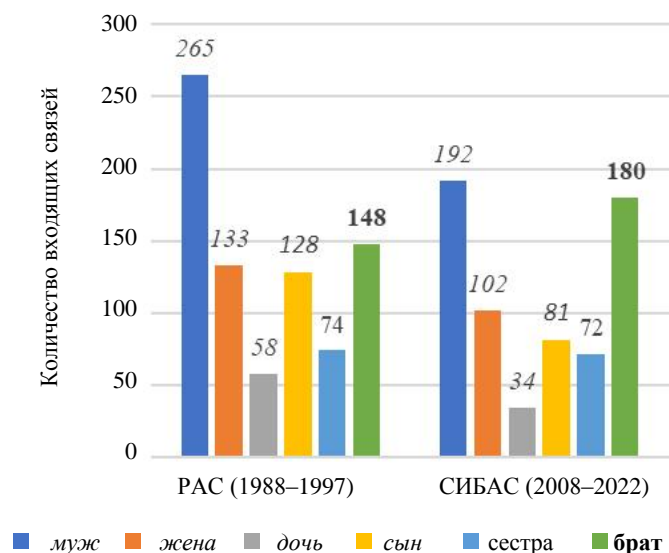

Рис. 3. Хроногlossы маркеров семейных ролей (супруги и дети)
Fig. 3. Chronoglosses of family role markers (spouses and children)

Какое место занимают семейные роли в проекции «Я будущий» и в целеполагании? В нашем распоряжении АП прилагательного **Будущий** (табл. 2) и фразы **Смысл жизни** (единица показала требуемый для включения в список стимулов порог частотности только в СИБАС).

Семейные роли в функциональных пробах с АП Смысл жизни и Будущий

В структуре АП **Смысл жизни** (146 реакций, 69 разных, 3 отказа, 50 единичных) **82 %** ассоциатов явно или имплицитно связаны с целеполаганием. РЯЛ демонстрирует оптимистичный жизненный настрой. Например: *цель* 11; *семья* 10; *дети* 9; *жизнь* 9; *познать истину* и пр. Ассоциат *цель* – первый в ряду реакций на стимул **смысл жизни**, семейные ассоциаты идут непосредственно за ним. Прямое отношение к семье имеют **17 %** от общего количества единиц в АП и **21 %** от связанных с целеполаганием. Например: *семья* 10; *дети* 9; *в детях*; любовь, карьера, *дети*; *семья и дети*; *мам*; *размножаться*. Отчасти эти показатели соответствуют личностному настрою информантов соцопроса ВЦИОМ (см. выше). Заметим, что отсутствие целеполагания имплицитно примерно **19 %** единиц от общего состава. Например: *пустота* 5; *его нет*; *отсутствует* и пр., что также немало для взрослых молодых людей, вступающих в большую жизнь.

Таблица 2

Удельный вес названий семейных ролей, в АП **Будущий**
(по данным прямых словарей РАС и СИБАС)

Table 2

The share of family role markers within the AF **Budusshij** (Future)
according to the direct RAS and SIBAS data

Показатель	Базы данных и статистика наполнения АП	
	РАС 1988–1997 (617; 190; 6; 136)*	СИБАС 2008–2022 (502, 175, 11, 123)
Удельный вес маркеров семейных установок	159 реакций (26 % от общего числа); 12 разных (6,3 % от общего количества разных)	142 реакции (28 % от общего числа); 15 разных (8,6 % от общего количества разных)
Первая самая частотная реакция в АП	<i>Муж</i> 113 (18 % от общего количества в АП; 71 % от семейных). Ср. с данными на рис. 3	<i>Муж</i> 62 (12 % от общего количества в АП; 44 % от семейных). Ср. с данными на рис. 3
Состав остальных ассоциатов, маркирующих семейные установки (в порядке снижения интенсивности)	<i>ребенок</i> 14; зять 9; <i>отец</i> 6; супруг, теща 4; сын 3; <i>папа</i> 2; жених, любимый, <i>мама</i> , <i>мой ребенок</i> 1. <i>Ребенок</i> – 9,4 % от всех семейных; <i>отец (папа)</i> – 5 %. Ср. с данными на рис. 1, 2	<i>отец</i> 22; <i>ребенок</i> 20; <i>папа</i> 16; зять 7; сын 5; <i>мать</i> 2; <i>дети</i> ; <i>жена</i> ; жених; <i>мамы</i> ; <i>отец и мать</i> ; <i>папка</i> , <i>папа</i> ; президент, <i>муж</i> ; супруг 1. <i>Ребенок</i> 14 %; <i>отец (папа)</i> – 28 %. Ср. с данными на рис. 1, 2

* В таблице первое число (617) – общее количество реакций в АП; второе – количество реакций разными словами; третье – количество отказов; четвертое – количество единичных реакций. В целях экономии в таблице приводятся только данные семейных ролей.

Данные прямого АП с удельным весом развертывания семейных ролевых структур в план будущего коррелируют с обозначенными на рис. 1 и 2. Очевидны и смысловая, и формальная, провоцирующая на устранение избыточности связей в АП **Будущий** роль флексии мужского рода единственного числа, выводящей на первый план активации единицы мужского рода в обоих источниках.

Заключение

Экспериментально полученные на материале массовых ассоциативных экспериментов конца прошлого и первой четверти XXI в. данные о движении ассоциативных доминант одного из центральных доменов субъективной онтологии личности, вмещающего в себя наименования людей и их социальных ролей, дейктические единицы **Я** и термины родства, свидетельствуют о статистически значимом возрастании общего семантического веса онтологемы «Я – семья – дети» и дейктических маркеров семейных ролей. Вероятно, государственная политика поддержки семьи результативна для закрепления семейных ориентиров. Фиксируется значимый рост смыслового веса соответствующих лексонов в структуре внутреннего лексикона, по крайней мере на уровне социокоммуникативных установок он очевиден. В АВС отражено благостное, для большинства испытуемых в силу возрастной специфики пока еще абстрактное, представление о будущей семье и желанных детях, но реально проживаемый опыт основан на взаимодействии с родителями, где преобладает вертикальный отсчет вверх по дейктической оси родства, что проявляется в значимом превышении веса терминов родительских ролей (в особенности рано усвоенных в онтогенезе с менее сложной психолингвистической структурой **мама** и **папа**) над супружескими и детскими в обоих исследуемых источниках. Значимое повышение веса родительских ролей фиксируется и в актуальной диахронии. Вместе с тем у семантически более сложных терминов **мать** и **отец** отмечено нарушение скорости их взаимной актуализации. Сеть их связей испытывает воздействие акторов интернет-коммуникации, что могло привести к снижению активации лексона **мать** в СИБАС по сравнению с РАС и движению фокуса его семантики в сторону периферийных, а не собственно релятивных семейных, акцентов. Возрастание общего веса родительских ролей может быть обусловлено и изменением условий социализации в техногенно небезопасной городской среде, долго сохраняющейся зависимостью от взрослых, поздним созреванием субъектности, инфантилизацией. У основной массы испытуемых еще нет живого опыта проживания официально ролей супругов и родителей. Возможно, поэтому иерархия отсчета вниз по возрасту (в родовое будущее по оси времени) пока не в активе, а только в планах. Снижение веса супружеских ролей в актуальной диахронии может фиксировать и отсутствие установки на заключение брака. Функциональные пробы с прямым АП **смысл жизни** и **будущий** подтверждают те же акцентуации, которые отмечаются у доминантных ассоциатов в обратных словарях. Наличие растущей психоглоссы у местоимения **Я** связывают с проявлением индивидуализма, эгоцентризма, трансформацией феноменологического эго, нарушением развития духовного слоя сознания при доминировании интернет-коммуникации, изменении узуса за последние десятилетия на фоне кардинальной смены приоритетов в сторону рыночной и гламурной доминант. Рост **Я** – следствие неизбежной дифференцировки его сложной конструкции в новых условиях с последующей функционально-смысловой интеграцией в новые индивидуально вариативные типы,

предрасположенные к иным видам деятельности. Новый стиль жизни действительно создает культ индивидуализма, провоцирует концентрацию на себе и возврат к себе как точке отсчета, но уже в осознаваемом, в отличие от ребенка, варианте с доминантой своей сферы, где приоритетно Я (субъект) сверху. При отсутствии воли, утраты субъектности и целеполагания – аддиктивность и виртуализация сознания, выпадение из смыслового поля культуры. Все это заставляет человека перестраивать Я-концепцию и деятельность, в условиях масштабных социальных преобразований искать опору в семейном кругу. Полученные в психолингвистическом эксперименте результаты в ряде аспектов согласуются с данными социологического опроса ВЦИОМ.

Список литературы

- Ахутина Т. В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2014. 424 с. (Разумное поведение и язык. Language and reasoning)
- Бубнова И. А.* Ценности и образ будущего поколения Z: специфика системы // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 269–278. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278
- Бубнова И. А.* Специфика современной языковой личности в историко-этнической перспективе: психолингвистический ракурс // Вопросы психолингвистики. 2025. № 3 (65). С. 10–21. DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20
- Доброва Г. Р.* Эволюция личных местоимений и терминов родства в онтогенезе // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2003. № 3 (5). С. 115–125.
- Доброва Г. Р.* Онтогенез персонального «речевого» дейксиса // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 163–168.
- Красных В. В.* Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 4–14.
- Леонтьев А. А.* Личность как историко-этническая категория // СЭ. 1981. № 3. С. 35–44.
- Малик Е. Н., Шедий М. В.* Семья и семейные ценности – опора российской государственности // Вестник российской нации. 2025. № 1 (100). С. 86–95.
- Пищальникова В. А., Степыкин Н. И.* Изменение характера предцифрования в речевом действии: экспериментальное исследование // Научный диалог. 2025. № 14 (3). С. 43–61. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61
- Сапогова Е. Е.* Структура личностного тезауруса: экзистенциально-психологический подход // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 40–59. DOI 10.17223/17267080/73/3
- Уфимцева Н. В.* Духовный слой сознания и его отражение в ассоциативных базах данных (к постановке проблемы) // Вопросы психолингвистики. 2025. № 4 (66). С. 8–19. DOI 10.30982/2077-5911-2025-66-4-8-19

Список источников

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Сост. Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: Астрель; АСТ, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 27.03.2025).

СИБАС 1 и СИБАС 2 – Русская региональная ассоциативная база данных. Сибирь и Дальний Восток – 2008–2022 / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 27.03.2025).

References

Akhutina T. V. *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics, and pragmatics]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 424 p. (Razumnoe povedenie i yazyk [Language and reasoning])

Bubnova I. A. Spetsifika sovremennoy yazykovoy lichnosti v istoriko-etnicheskoj perspektive: psikholingvisticheskiy rakurs [The specificity of the modern linguistic personality in the historical and ethnic perspective: a psycholinguistic aspect]. *Journal of Psycholinguistics*. 2025, no. 3 (65), pp. 10–21. DOI 10.30982/2077-5911-2025-65-3-10-20

Bubnova I. A. Tsennosti i obraz budushchego pokoleniya Z: spetsifika sistemy [Values and the image of the future for generation z: the specificity of the system]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021, vol. 12, no. 2, pp. 269–278. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-269-278

Dobrova G. R. Evolyutsiya lichnykh mestoimeniy i terminov rodstva v ontogeneze [Evolution of personal pronouns and kinship terms in ontogenesis]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2003, no. 3 (5), pp. 115–125.

Dobrova G. R. Ontogenez personal'nogo "rechevogo" deysiya [Ontogenesis of personal "speech" deixis]. *Pedagogical Education in Russia*. 2014, no. 5, pp. 163–168.

Krasnykh V. V. Kontsept "Ya" v svete lingvokul'turologii [The "I"-concept in linguoculturology]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (Eds.). Moscow, MAKS Press, 2003, iss. 23, pp. 4–14.

Leont'ev A. A. Lichnost' kak istoriko-etnicheskaya kategoriya [Personality as a historical and ethnic category]. *Sovetskaia Etnografiya*. 1981, no. 3, pp. 35–44.

Malik E. N., Shedy M. V. Sem'ya i semeynye tsennosti – opora rossiyskoy gosudarstvennosti [Family and family values – the support of Russian statehood]. *Bulletin of Russian nation*. 2025, no. 1 (100), pp. 86–95.

Pishchal'nikova V. A., Stepykin N. I. Izmenenie kharaktera preditsirovaniya v rechevom deystvii: eksperimental'noe issledovanie [Changes in nature of prediction in speech acts: an experimental study]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2025, no. 14 (3), pp. 43–61. DOI 10.24224/2227-1295-2025-14-3-43-61

Sapogova E. E. Struktura lichnostnogo tezaurusa: ekzistentsial'no-psikhologicheskii podkhod [The Structure of Personal Thesaurus: Existential Psychological Approach]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology]. 2019, no. 73, pp. 40–59. DOI 10.17223/17267080/73/3

Ufimtseva N. V. Dukhovnyy sloy soznaniya i yego otrazhenie v assotsiativnykh bazakh dannykh (k postanovke problemy) [The spiritual layer of consciousness and its reflection in associative databases (towards the formulation of the problem)]. *Journal of Psycholinguistics*. 2025, no. 4 (66), pp. 8–19. DOI 10.30982/2077-5911-2025-66-4-8-19

List of sources

Russkiy assotsiativnyy slovar': V 2 t. [Associative thesaurus of the Russian language: In 2 vols.]. Yu. N. Karaulov, G. A. Cher-kasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. So-

rokin, E. F. Tarasov (Comps.). Moscow, Astrel', AST, 2002. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (accessed 13.04.2023).

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh. Sibir' i Dal'niy Vostok – 2008–2022 [Russian regional associative database. Siberia and the Far East – 2008–2022]. I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko (Comps.). URL: <http://adictru.nsu.ru> (accessed 25.03.2026).

Информация об авторе

Ирина Владимировна Шапошникова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Department of the Russian Language in Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.04.2026;
одобрена после рецензирования 08.04.2026; принята к публикации 08.04.2026
The article was submitted on 06.04.2026;
approved after reviewing on 08.04.2026; accepted for publication on 08.04.2026*